

кновения первого потребительского общества речдельских пионеров. Пioneры на своих собраниях, зная прежние неудачные попытки объединений, ломали головы над созданием рациональных правил, какие бы могли обеспечить успех их начинанию. Но кто выдумывал принципы капитализма? Могучее развитие кооперации и подвиги при помощи нее материального благосостояния широких народных масс на Западе является лучшей маркой для признания рациональности кооперативных начал. Не противоречит ли это нашему принятию капитализма? Нисколько. В то время как капитализм в процессе нашего экономического возрождения ценен как общая система, кооперация ценна как отличный метод разрешения специальных сторон экономического строительства. Казачья действительность полна данных, заставляющих вилеть в кооперации действительно метод подходящий: бедность капиталом, навяз к личному труду, общность интересов, товарищеское начало взаимопомощи, закаленные в ходе военной истории казачества, индивидуализм достаточно развитой для проявления необходимой для кооперации инициативы и т. д. О роли и значении кооперации для Казачьих Земель мы еще будем иметь случай говорить в будущем специально, сейчас же формулируем наше отношение к ней в процессе экономического возрождения: мы считаем кооперацию, как метод, весьма рациональным началом в условиях казачьей действительности, и полагаем что ее применение в процессе возрождения Казачьих Земель будет весьма жизненно и продуктивно.

Итак, рассмотрев несколько систем, мы совершенно отказались от коммунизма, не приняли социализм в его догматической части, признав принципиальную допустимость его отдельных второстепенных, но рациональных элементов, наметили всю важность и ценность капиталистического начала и признали желательность максимального применения кооперативного метода. Взглянем теперь на все это в целом.

1. Прежде всего мы должны отметить, что не может быть и речи о безоговорочном принятии какой либо одной системы. Во-первых потому, что ни одна из этих систем, как говорилось уже в самом начале, не имеет достаточно определенных границ; во-вторых это противоречило бы нашему „инженерскому“ подходу: экономическая жизнь настолько многообразна, что даже в пределах ее отдельных сторон трудно говорить о единстве экономической системы. То что рационально в земледелии, может быть менее рационально в торговле, и совсем не жизненно в промышленности. Раз-

норечивость полезности на этом не останавливается: кооперации неуместна в тяжелой индустрии, но рациональна среди ремесленников; национализация всей неживучести абсурдна, железных дорог — м. быть жизненна, и т. д. Даже из начала капитализма и кооперации можно уже создать бесчисленное количество переходных форм и вариантов. Это желательно даже и принципиально: чем больше будет проявляться творческой мысли и меньше шаблонности в каждом данном случае, тем большим это будет залогом, что форма будет отвечать индивидуальным качествам содержимого. Единство может быть лишь постолько желательным, поскольку оно рационально, но не ради идеи единства: для солдат единая форма необходима, всех заставляя носить одинаковое платье — не за чем.

2. Признание той или иной системы за выгодную и подходящую не должно обращать средство в цель. Если, скажем, кооперация желательна для Казачьих Земель, то это не значит, что кооперация должна стать целью, а Казачьи Земли прибором для ее культивирования. Одна из главных ошибок правоверных и темпераментных социалистов, по нашему мнению, в том, что они готовы для торжества социализма уложить на жертвенный алтарь... все человечество! Такое обращение средств в цель получается при превращении credo в идею-фикс. Невольно вспоминается картина с плахой и лежащей на ней головой казненного преступника — последнего обитателя земли — и подписью внизу: *peccat mundus vial iusticia* (пусть погибнет мир, лишь бы торжествовала справедливость) — фанатизм, превращение себя в раба собственной идеи! Не мы для всех этих социализмов, капитализмов и всяких „измов“, но они для нас.

3. Наконец, последнее, что нужно помнить в принятии той или иной системы — это греческое „все течет“: рая воспринятая экономическая система должна не коснеть, а эволюционировать, развиваться и непрерывно приспосабливаться к новым проявлениям жизни — так, как методы производства на заводах Форда. В дни строения новой жизни в Казачьих Землях это нужно особенно твердо помнить, ибо скованный так долго запас внутренних созидательных сил Казачества прорвется, верня, с необычайной силой; в его стремительном потоке годы превратятся в месяцы, а десятилетия в годы. И тогда лозунг „доплыть за жизнью“ будет основным условием, без которого и все наши оценки коммунизма, социализма, капитализма и кооператизма потеряют всякую ценность.

С. Галданов.

О ВОЖДЯХ И О „ВОЖДЯХ“.

...Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш Батюшка — Басурманну он не кланялся, у Москвы как жлыть не спрашивался...
(Старинная казачья песня)

Есть ли на свете народ счастливее русского? Настолько он счастлив, что только он, кажется, может себе позволить роскошь совершенно не думать о своей судьбе: подумают за него и что нужно сделают за него другие — вожди. Последние же обладают такой прозорливостью, таким поразительным качеством, что, не зная своего народа, совершенно ничего у него не спрашивая, точно знают, что нужно опекатьому им народу, как и о чем этот последний думает.

Конечно, и у других народов имелись и имеются свои вожди, но у разных народов — разные вожди.

У Казачества был Ермак Тимофеевич, К. Булавин, А. М. Каледин, К. Л. Бардик, Н. С. Рябовол; у китайцев недавно был д-р Сун-ят-сен; у итальянцев были: Гарибальди, Мадзини, Каур, есть Муссолини; у американцев были: Вашингтон, Линкольн; у французов был Наполеон; у турок есть Кемаль-Паша; у чехословаков были: Ян Гус, Жижка, есть Масарик; у поляков был

Костюшка, есть Пилсудский; у сербов были: король Петр Карагеоргиевич, старый Пашин, есть король Александр, и т. д. и т. п.

Были и есть вожди и у русского народа. Но, увы, удивительные эти вожди — „вожди“. Поистине особая „статья“ русского народа, особая статья его „вождей“.

У русских „вождей“ своеобразный подход к своему народу. Отдельный крестьянин или рабочий для „вождей“ — дикарь, серая скотина, а соединение этих „дикарей“ — народ „богоискатель“. Последний вызывает у своих „вождей“ нежную „любовь“. При чем любовь эта прямо пропорциональна проявлению „уважения“ народа к своим „вождям“: чем жесточе побор, народом время от времени наносимые своим „вождям“, тем сильнее, нежнее „любовь“ последних к своему народу, т. е. и у „вождей“ и у народа одинаковая психология, веками, жизнью самой выработанная. Быют — уважают, преклоняются. Начнут по-человечески обращаться — „они и ноги на стол“.

Цари, императоры веками гноили свой русский народ, а последний кричал и молча переносил все глумления царских слуг. Чем грубее и безжалостнее был режим, чем безцеремоннее было обращение правителей с народом, тем последний становился смиреннее, без-

гласнее, тем больше в нем укреплялось чувство предвещания, почтения перед грозными правителями.

Пришла революция и вместе с нею пришли люди, пожелавшие спросить у русского народа его желание, его волю по вопросу об устройстве его будущей жизни, но народ, привыкший не думать о своей судьбе, после восьмимесячной свободной жизни, затосковал по „вождю“, который подумал-бы и что нужно сделал бы за него. Таковые незамедлили своим появлением. Сразу появились вожди: красные и белые. Но народ великорусский в данном случае предпочел красного вождя и, ведомый им, выбросил за борт родного корабля своих „белых вождей“.

С этого момента начался так сказать параллельный ряд „вождей“: во „внутренней России“ ряд „красных вождей“, а в „зарубежной России“ ряд „белых вождей“. Там власть красных вождей, для блага опекаемого ими народа, „преемственно“ переходит от одного красного „вождя“ к другому.

Белые „вожди“ тоже не теряют своей „власти“ над своим народом. И здесь „власть“ эта „преемственно“ переходит от одного „вождя“ к другому, от другого к третьему. Но „вожди“ с каждым таким „преемственным“ переходом в „там“ и „здесь“ становятся мельче, безцветнее, бездарнее.

Эти два ряда „вождей“ начинались популярными именами: „там“ — Ленин; „здесь“ — в. к. Николай Николаевич; „там“ — Троцкий, „здесь“ — Врангель; ныне — Сталин и Кутепов; завтра может родиться новое звено этого ряда: „там“, например, Балалайкин, „здесь“ — Растепин. Кто они? — Не все ли равно? Русскому народу необходим „вождь“, без него он не может спокойно спать, устраивать свою жизнь, и „вождь“ будет, все равно: красный или белый...

Сталин со своими красными губернаторами скоро падет? Ничего, не беспокойтесь! Во всякое время готов стать на его место белый „вождь“ Кутепов со своими белыми губернаторами! Русский (великорусский) народ может быть покоен: есть кому о нем заботиться!..

„Мороз воевода дозором обходит владения свои“, — учили мы в детстве. Точно так же недавно русские эмигрантские газеты возвестили миру: „вождь, воевода Кутепов, объезжает владения свои зарубежные“.

А сей „вождь“, проехав некоторые страны и государства, побывав на нескольких вечерах, устроивных его единомышленниками, в точности узнал — чего желает „зарубежный русский народ“. А он!ль чаёт одного: чтобы именно ген. Кутепов был его вождем и вел спасать „внутренний русский народ...“ Об этом новоявленный „вождь“ поведал миру в газете „Возрождение“, № 1404.

Видите-ли, он „всюду встретил общее и горячее воодушевление“. Он „может отметить прямою тягу русского общества и отдельных представителей его различных „секторов“ к Общевинскому Союзу“, т. е. к нему, Кутепову. Поэтому „близок час и осушатся (Кутеповым) те две реки, что продолжили большевики по русской земле (а на Казачьих Землях вдобавок и Кутеповыми. С. Г.): река крови и река слез“ („Возрождение“, № 1375).

Все это делается потому, что его, Кутепова, хорошо встретили „в Югославии и Чехии“, „достоверно встретила гимназия“, где „мне поднесла цветы и сказала приветственную речь маленькая девочка, родившаяся в Галлиполи, в мечети“; что его политический единомышленник на „вечере“ поднял тост „не только за генерала, но и за профессора, который воспитывает сердца и волю молодежи“, что, благодаря Кутепову и армии, им возглавляемой, „мы можем гордо смотреть миру в глаза“; наконец, еще потому, что другой его единомышленник отметил „ту любовь и доверие, которыми пользуется ген. Кутепов...“ („Возрождение“, № 1383).

Все, конечно, возможно... Возможно, что у 8-ми летней девочки („родившейся в Галлиполи, в мечети“) проснулось и укрепилось русское национальное сознание и она своею речью растрогала Кутепова; возмож-

но, что у его поклонников „любовь и доверие к нему“ безграничны; возможно, что „знаменитый профессор“ Кутепов в Галлиполи закалил „сердца и волю молодежи“ и, наконец, возможно, что и теперь, сидя в Париже, ген. Кутепов „закаляет“ сердца патриотов: на то и „вождь“. Все это возможно.

Но, сомнительно одно и вовсе невозможно другое. Сомнительно, что белые „вожди“ имеют право „гордо смотреть миру в глаза“, так как они народом своим отвергнуты, ибо из 80-ти миллионного русского (великорусского) народа за ними пошло всего-то несколько тысяч. Но и это основное ядро, состоявшее из представителей офицерства и немногочисленных молодых идеалистов, обросло и усилилось теми, что руководствовались и руководствуются в своей программе и своих действиях „реставрационными поправками“. Прикосновение именно этих „черных воронов“ и погубило не только чисто народную казачью борьбу за свое государственное бытие, за свое политическо-государственное возрождение, но и за единственно в свое время правильный и здоровый процесс восстановления самой России.

Невозможно: чтобы казаки радостно встречали „вождя“ Кутепова, как он сам о том вешает. Слишком различны природа „вождя“ и казаков, чаяния и стремления того и других. Кроме того, еще свежи в памяти казаков „дела и действия“ Деникиных, Врангелей, Покровских, их кровавые эксперименты над живым телом Казачества на Кубани, в Новороссийске...

„Вождь“, ныне поворачиваясь „лицом к Казачеству“, изрекает: „единство казаков и твердость их внутренних взаимоотношений я мог бы подтвердить примером казачьей колонии в Югославии, в Беличе. Все казаки там одинаковы — рабочие. Но это только их, так сказать, внешнее состояние. Во внутренних отношениях они — одна крепкая казачья семья, со всеми ее обычаями, традициями... Я наблюдал в казачьей семье дружескую простоту отношений, а между тем, там каждый твердо знает свое место“...

Запоздалые открытия весьма старых истин. Впрочем, утешительное открытие русского генерала — „вождя“: по истине, лучше поздно, чем никогда, а вот одним шагом будут ближе к истине. Правда, „открытие“ ген. Кутепова явилось плодом наблюдения и „изучения“ казачества за один вечер. Одним словом: „пришел, увидел, победил“.

Казачья спаянность, дружеская простота взаимоотношений, крепость казачьей семьи — общеизвестное и в воле естественное явление. Иначе и быть не может.

Казаки, корнями своими глубоко уходящие в свою Родную Землю, веками воспитанные на принципе Свободы, Равенства и Братства, никогда не знавшие рабства, со своими народными традициями, обычаями, с особой психологией, мировоззрением, — по всей обществено-моральной культурной физиономии составляют на самом деле тип людей, отличных от великорусов.

Казаки, где бы они не находились, духовно постоянно живут на своей Родной Земле, в Родном Краю — на Тихом Дону, Вольной Кубани, Бурном Тереке, ковыльной Степи — где они знают каждую пядь земли, с которой они связаны крепкими нитями казачьей крови и слез, с которой они духовно срослись и которая рисует яркие картины героического исторического прошлого Казачества. Одно слово — „казак“ живой и крепкой нитью связывает всех казаков, роднит, сближает их, бодрит в тяжелые минуты жизни, одухотворяет, воодушевляет в борьбе.

„Слава Богу, что мы казаки!“ — говорят казаки. По истине: Слава Богу, — снова и снова повторяем мы.

Казаки стремятся к своей Родной Земле, к своим родным очагам, к своим страдающим братьям, к восстановлению, возрождению Свободного, Вольного Казачества.

Казачество и „вожди“ — разные пути и противоположные чаяния. Казачьи идеи и программы и идеи „вождей“ — Небо и Земля.

И напрасно теперь новый „вождь“, поворачиваясь „лицом к Казачеству“, тянет их к себе. Напрасно! Нельзя „объять необъятное“ — как некогда еще сказал ум-

ный Кузьма Прутков. К тому же слишком свежо в памяти казаков „внимание“ „вождя“ в отношении казаков в эмиграции. Казаки помнят, когда в Югославии Правительство готово было предоставить казакам землю на заселение, как некоторые „вожди“ со присными аттестовали казаков перед братским сербским народом и его правительством как никчемных „колонизаторов“, от разбоя которых не будет житья местным жителям“ (Вестник Каз. Союза, № 14—15), и тем сорвали хорошее для казаков дело.

Поэтому, естественно поведение казачьих Атаманов, признавших нового „вождя“ и не пославших ему „в самый ответственный и тяжелый момент даже поздравления“, как жалуется послушный „вождяст“ ген. Абрамов.

Было-бы заблуждением, несмотря на заявление даже самого „вождя“, думать, будто казаки восторженно встречали его „в Чехии и Югославии“. Как казаки его встречали в Югославии мы не знаем, но трудно усмотреть в единоличном выступлении г. Скачкова П. А.

„восторженную встречу“ казаками. Пусть уж казаки сами судят о казачьем „восторге“ по поводу приезда ген. Кутенюва в Чехию: было приветствие ... одного казака.

По словам самого „вождя“ настроение казаков и Болгарии „таково, как в Чехии и Югославии“. Мы этому вполне верим! Так оно и есть...

Казаки давно переросли опеку „вождя“. Казачество живет своими святыми идеями и идеалами, заветными от седой старины, от отцов в делов, своими собственными казачьими целями и задачами...

Казаки — вольные и свободные дети своей Родной Земли, давным давно уже достигшие совершеннолетия, не нуждающиеся ни в чьей указке, ни в чьей опеке.

Недаром в старинной казачьей песне доны допевают свой Дон:

... Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш
Батюшка —
Басурманину он не кланялся, у Москвы
как жить не спрашивался...

А. Стремяной.

Откуда взялись „червонные казаки“.

Не так давно в русских зарубежных и иностранных газетах много писалось по поводу зачисления в казаки французского коммуниста Кашена. В журналах были воспроизведены карикатуры с изображением „казака“ Кашена, лихо скачущего на коне во всех военных „доспехах“.

Действительно, такой факт был и в нашем распоряжении имеется копия приказа о награждении Кашена званием „почетного казака“ червонного казачества. Во время своей последней поездки в СССР Кашен „явился в свою часть“, получил обмундирование и оружие, присвоенное червонным казакам. Затем был уволен в долгосрочный отпуск и все казенное имущество сдал в полковой цейхгауз.

Обычай награждать званием почетного казака знатных иностранцев и русских сановников существовал и в прежние времена, так что здесь большевики ничего своего не придумали. (Многие из бывших почетных казаков не всегда служили украинцем казачества).

Но кто такие червонные казаки?

Об них за границей знают мало.

Московское коммунистическое правительство — не признает старого, исторического Казачества; ни по своей конституции, ни в практической жизни. Казачьи Области и Земли раздроблены на части и прирезаны по клочкам к разным „республикам“, краям, губерниям и областям. Казаки, как отдельная народность, согда большевизму законодательству и практике, не существуют. Они „сравнены“ со всем населением РСФСР и воинскую повинность отбывают „на общих основаниях“. Никаких казачьих воинских частей в красной армии нет. Подавляющая масса казачьей молодежи призывного возраста проходит службу в пехотных частях и лишь в отдельных случаях попадает в конницу и артиллерию. Большевицкие верхи не верит казакам.

Казаки, призванные отбывать сборы в территориальных частях, сформированных в районе казачьих Областей, составляют в них большинство, но в здесь командный состав состоит исключительно из пришлого элемента, совершенно незнакомого ни с бытом, ни с прежней службой казака.

В 1926 году в казачьих Облестях были образованы территориальные конные части, для отбывания сборов, в которых казаки должны являться с собственным конем; но обмундирование и оружие выдаются казенные. По окончании сборов все казенное имущество сдается обратно и казак на своем коне и в собственной одежде возвращается к себе в станицу.

„Червонные казаки“ никакого отношения к настоящим казакам не имеют. История возникновения „червонного казачества“ в кратких словах такова.

В 1918 году, после ухода немцев с Украины и за-

нятия Чернигова большевиками, ученик местной гимназии Примаков решил заменить гимназический ранец винтовкой и шапкой. Он собрал вокруг себя до 30-ти таких же молодкососов и ничтоже сумняшеся назвал свой „отряд“ „червонными казаками“.

В начале 1919 года украинские полки — Богуня, Таращанский и Нежинский — разложившись и наполнившись бандитскими элементами из тех же уездов, перешли на сторону большевиков и тоже объявили себя „червонными казаками“.

Со временем все эти части, пополненные всяким сбродом, составили 7-ю и 8-ю „Червонно-Казачьи дивизии“.

В 1922 году из этих дивизий, с присоединением к ним отдельной кавалерийской бригады „независимых селян“, — набранной, в свою очередь, в период Мавровщины из жителей Богодуховского и Ахтырского уездов Харьковской губернии, — был сформирован 1-ый Конный Корпус Червонного Казачества, двухдивизионного состава, существующий и поныне.

1-я дивизия получила наименование — Запорожской, а 2-я — Черниговской.

Командование корпусом было вверено тому-же „гимназисту“ Примакову.

С введением в красной армии „шефенев“ (которое, кстати сказать, имеет чисто бутафорское значение), шефом Запорожской дивизии оказалась французская коммунистическая партия, а Черниговской — германская. Отсюда и пошло трогательное единение французских коммунистов с „червонными казаками“.

Корпус был размещен по квартирам на Волыни — в районе Меджибожа, Проскурова, Старо-Константинова, Изяславля, Антонин, со штабом в Виннице.

Перейдя на мирное положение, части корпуса, по установившейся привычке, не переставали грабить и чинить насилия над местным населением, которое было ими терроризировано до последних пределов. Невозможно было показаться ни в поле, ни на дороге, чтобы не быть обобраным до нитки. „Червонные казаки“ совершенно безнаказанно цинично повсюду и наводили панику на всю округу.

Жизнь в крае замерла; базары прекратились; никто из сел и местечек не рисковал выезжать и выходить; все сидела по своим углам.

Пример подавало само начальство. Так, командующий 2-ой Черниговской дивизией тов. Шмит, находясь в Киеве на вокзале, застрелил на глазах у тысячной толпы ни в чем неповинного железнодорожника только за то, что тот осмелился обратиться к нему со словами, чтобы он не толкался и не пробивал себе дорогу саблезными ножами. Вызванные для ареста нахала и преступника чины ГПУ, когда узнали, что перед ними